

Сбор трав

В городе Цинши человеческая жизнь ценилась меньше всего. Здесь из поколения в поколение правили знатные семьи, и даже императорская власть не могла пустить корни в эту землю. Чиновники-ханьцы, присылаемые двором, занимали лишь второстепенные должности помощников; реальной силы у них не было.

Говорили, что так обстояли дела не только в Цинши, но и во всём Юго-Западном крае.

Су Лин проглотил вертевшееся на языке ругательство и, с трудом сдерживая досаду, произнёс:

— В следующий раз, когда соберёшься в город на рынок, я пойду вместе с тобой.

Су И, видя выражение лица хозяина, и сам понял, что продешевил. Он на мгновение замолчал, а затем невозмутимо добавил:

— Ничего. Я заработаю ещё.

Затем он, что случалось редко, решил объясниться:

— Эти шесть лянов... Восемь медяков ушло на шесть морковок, двадцать три — на два десятка яиц, ещё пятнадцать — на курицу «нищий»...

— Ладно-ладно, мне не нужно знать всё до последнего гроша, — перебил его юноша. — Ты их заработал, тебе и решать.

Но раб, словно не слыша, продолжал свой отчёт:

— Десять медяков за шпинат, шестьдесят — за щётку и порошок, восемь за дорогу туда и обратно. Ещё в кузне заказал набор плотницких инструментов и железные наконечники для стрел. Итого, со всеми мелочами, вышло три ляна, триста семьдесят шесть медяков. Плюс еда — сто двадцать четыре медяка...

Су Лин, который в уме считал очень быстро, тут же переспросил:

— То есть осталось ровно два с половиной ляна, и ты всё отдал мне?

— Да.

Братцу Лину вдруг стало неловко, хотя по закону невольник обязан был отдавать весь заработок господину.

— В будущем можешь не отдавать всё дочиста, — буркнул он, потирая нос. — Оставляй себе немного на карманные расходы. Я смотрю, ты всё время в этой грубой холщовой рубахе ходишь, да и обувь уже по краям обтрепалась. Почему не купил себе ничего на смену?

Су И каждый вечер после мытья стирал свою одежду, просто он ложился поздно, а вставал на рассвете, и юноша этого не замечал. Мужчина опустил голову и принюхался к рукаву:

— Она чистая.

Су Лин ни капли ему не поверил. Летом мужчины быстро потеют, поэтому он выразительно замахал рукой, всем видом призывая того держаться подальше.

— Пообедаем, и я отведу тебя на наше поле. Соберём лекарственные травы, отвезём в город, и тогда купим тебе приличную одежду.

— Тебе не стоит идти, — возразил помощник. — Колено всё ещё болит.

— Но мне нужно сорвать немного очитка живородящего, — настаивал юноша. — Он лучше всего разгоняет кровь и снимает отёки.

— Я сам схожу и наберу.

— Ты даже не знаешь, где это.

— Спрошу у кого-нибудь.

Услышав это, Су Лин сердито фыркнул:

— Значит, с чужими людьми ты не немой! Это только со мной ты вечно в молчанку играешь.

Собеседник спокойно смотрел на него, не вступая в спор. Видя, что парень вот-вот снова взорвётся, он негромко произнёс:

— Боюсь сказать что-то не то и рассердить тебя.

Су Лин поджал губы и проворчал:

— Надо же, какая самокритичность.

Он и сам знал, что характер у него не сахар, но ведь он не кидался на людей без причины, точно бешеная собака. От этой мысли он снова разозлился и наградил мужчину очередным гневным взглядом.

Впрочем, это было всё равно что метать искры перед слепцом — Су И уже склонил голову над тарелками, собирая посуду, и ничего не заметил.

Закончив с уборкой, он вышел со двора. По дороге ему встретилась деревенская женщина, собиравшаяся в горы. Она оказалась весьма словоохотливой и сама проводила его до участка Су Лина. Указав на полоску густой зелени, она пояснила, что это и есть очиток живородящий.

— Братец Лин, должно быть, вчера в горах колено расшиб? — сочувственно вздохнула она. — Такой он нежный мальчик, для него эти походы — сплошное мучение.

Эта женщина тоже принадлежала к клану Ши. Вчера, когда Третий дядя собирал людей в лес, она была среди них.

— Его родня... — она понизила голос, — души в них нет, одни камни. Вчера, когда помощь нужна была, звали и старшего дядю, и тётушек его — так те всё отговаривались: то свиней кормить надо, то пообедать не успели. Пока Младшенький был жив, они так и вились вокруг, такие все ласковые были. А стоило ему помереть — и след простыл.

Она внимательно посмотрела на спутника:

— Раз уж Сяо Лин тебя купил, живи с ним ладно. Теперь у него есть опора, не так тяжело ему в деревне будет.

Су И кивнул:

— Я понимаю. Спасибо вам, тётушка.

Женщина, видя, как почтительно он отвечает, и оценив его крепкое телосложение, про себя отметила, что парень из него выйдет дельный. Она довольно улыбнулась:

— У нас с отцом Сяо Лина один прадед был. Так что зови меня Второй тётей.

— Хорошо, Вторая тётя.

Тётушка была приятно удивлена тем, как быстро этот суровый с виду мужчина сменил обращение. «Видно, человек степенный», — решила она, оставаясь крайне довольной знакомством.

Найдя нужную траву, Су И проводил её взглядом. Уходя, Вторая тётя негромко пробормотала себе под нос: «А Лин-то наш каков... набрался смелости сделать то, на что я в молодости не отважилась — взял да и купил себе мужика».

Слух у мужчины был отменный, и, услышав эти слова, он невольно улыбнулся.

К счастью, судьба привела его именно сюда. К счастью, его купил именно Су Лин.

Он помнил, как очнулся в незнакомом месте, скованный цепями, как его осматривали и оценивали на рынке рабов, точно скотину. Мужчина силой прогонял одного за другим надменных управляющих, а выжил лишь благодаря чёрному щенку, который приносил ему объедки.

А потом внезапно появился Су Лин — яркий, капризный, но добрый. Он был похож на колючего ежа, который постоянно настороже, готовый защищаться от всего мира. И Су И решил, что останется за спиной этого маленького ежа до тех пор, пока тот не доверится ему и не откроется.

Не все жители деревни вызывали отвращение. Осеть в таком живописном месте среди гор и рек было тем, о чём он прежде не смел и мечтать.

Пока Су И предавался этим мыслям, он и не заметил, что у реки внизу кто-то следит за ним полным злобы взглядом.

— Почему этот раб не сгинул в горах? — едва переступив порог дома, набросилась Юань Цзинцуй на мужа.

Ши Синчжу хмуро отозвался:

— Откуда мне знать? Нужно придумать, как от него избавиться. Пока он рядом, у Лина есть защита, и нашими уговорами его не взять. А скоро вернётся Мясник Юань, тогда хлопот не оберёшься.

Жена понимающе кивнула:

— Я видела на поле человека, кажется, этот раб ранен. Пойду разузнаю.

— Действуй сама, только не горячись. Моя пятая сестра вчера Лину и курицу, и рис принесла — нельзя допустить, чтобы те его к себе переманили.

— Знаю я, — раздражённо отмахнулась тётушка. — Поднимусь к нему, отнесу чего-нибудь поесть.

Она на мгновение задумалась:

— Послушай, мне кажется, у нас в доме вещи пропадать стали. Точно помню, что набрала целую корзину картошки и поставила в углу пристройки, а сегодня смотрю — поубавилось. И риса из лавки «Хэ Цзи» на кухне тоже нет.

Ши Синчжу недоверчиво хмыкнул:

— Да брось ты. Откуда в деревне воры? Поймают — штраф в тысячу триста медяков, да ещё и укрывателей накажут. Наверное, сама обсчиталась.

Юань Цзинцуй потеряла виски:

— Слишком много забот в последнее время. Ещё и твоя старуха-мать вечно дочерям жалуется, что я с ней плохо обхожусь.

— Потерпи немного, — успокоил её муж. — Вот приберём к рукам деньги мальчишки, и всё наладится.

Тем временем во дворе Су Лин едва успел немного поиграть с Сяо Хэем, как Су И уже вернулся с охапкой травы. Юноша удивился — он думал, что помощнику понадобится куда больше времени, ведь их участок у подножия горы найти не так-то просто.

Мужчина не стал ничего объяснять, лишь уточнил, ту ли траву он принёс.

— Да, она. Помой её, а потом найди плоский камень и хорошенько разотри стебли и листья в кашу.

Очиток живородящий любил свет и плохо переносил избыток влаги, а их поле, затенённое горным склоном, подходило для него не лучшим образом. Стебли были тонкими и длинными, а листья — бледными, лишёнными сочной зелени; издали растение можно было принять за обычный сорняк. Корни были облеплены вязкой грязью — верный признак плохого дренажа.

Ну конечно, разве мог его старший дядя заботиться о чужом поле, когда у него своё бурьяном заросло? Заботиться не хотел, а вот деньги забирать — это всегда пожалуйста.

— Так пойдёт?

Вопрос Су И вырвал юношу из задумчивости. Он взглянул на размятую траву, пустившую сок, и раскрыл ладонь, прося передать лекарство.

Здрав штанину выше колена, хозяин дома принялся осторожно втирать кашу в багровую припухлость. Тёмный сок стекал по его бледной коже к щиколотке, создавая странный контраст.

— Похоже на раздавленную гусеницу, — пробормотал Су Лин, морщась от вида зелёных пятен.

Су И промолчал. Он взял чистый лоскут холста, висевший на окне, и, ополоснув его, ловко

обвязал голень хозяина.

— А ты сообразительный, — похвалил его юноша.

Мужчина остался сидеть на корточках. Заметив, что запястье Су Лина покраснело от усилий, он предложил:

— Устал? Давай я помогу.

Парень немного перевёл дух. Чтобы хорошенько втереть сок в опухшее место, действительно нужна была сила, и его рука быстро затекла.

— Ладно, давай, — помедлив, согласился он.

В конце концов, между гээром и мужчиной должна быть дистанция, но для больного и лекаря правила иные — он часто видел, как его отец вправлял кости пострадавшим.

Однако стоило Су И взяться за дело, как юноша тут же пожалел о своём решении. У основания большого пальца и на указательном пальце мужчины была грубая, толстая мозоль, которая немилосердно царапала кожу вокруг колена.

— Полегче! — нахмурился Су Лин.

Рука Су И замерла, и он заметно ослабил нажим.

— Откуда у тебя такие мозоли? Не на ладони, а именно здесь, у основания большого пальца? Твой указательный палец просто раздирает мне кожу.

Мужчина остановился, глядя на своего капризного господина. Затем он слегка отставил указательный палец в сторону, а другой рукой обхватил голень юноши, чтобы нога не дёргалась. Он медленно и осторожно продолжал растирать ушиб, не сводя взгляда с лица хозяина.

— Так лучше?

Су Лин, который мгновение назад хмурился, вдруг прыснул со смеху:

— Ха-ха-ха! Ты сейчас вылитый евнух из моих книжек, так же палец оттопыриваешь!

Су И невозмутимо ответил:

— Господин, евнухи обычно отставляют мизинец.

Улыбка мгновенно сошла с лица Су Лина. Он всмотрелся в бесстрастное лицо собеседника.

«Он что, сейчас пошутил?»

— Да какая разница! Я сказал — евнух, значит, евнух.

— Как пожелаете, — тихо отозвался Су И.

Видя, что юноша расслабился, он и сам стал действовать увереннее. Прежняя осторожность казалась ему почти лаской; от прикосновений к чужой коже его собственные пальцы словно горели.

Кожа у Су Лина была очень светлой, а на колене — необычайно нежной. Для мужчины он был хрупок, точно кусок мягкого тофу. Как бы он ни старался сдерживаться, кожа под его руками всё равно начала краснеть. Отвлекаясь на свои мысли, он невольно усилил нажим.

— Ай! Больно же!

— Я же просил — полегче!

Юань Цзинцуй, ещё не успевшая войти во двор, замерла на месте. Голос Су Лина звучал звонко, с явными нотками капризной обиды. Женщина застыла и, стараясь не шуметь, подошла ближе.

— Ты при такой силе хоть каплю сока выжмешь?

— Словно кошку гладишь!

— Сильнее!

— Быстрее, не тяни! Ты вообще на что-нибудь способен?

<http://bllate.org/book/15320/1354533>